

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА[1]

К. ЯСПЕРС

С самого своего начала философия выступала как наука; более того – в качестве *науки* как таковой. Целью, воодушевлявшей тех, кто ей служил, было высшее и самое достоверное познание.

Вопрос о том, является ли она вообще наукой, становится понятным только с учетом развития специфически современных наук. Они развивались в 19 веке чаще всего помимо философии, иногда в оппозиции к ней, а под конец – в полном к ней равнодушии. Когда теперь от нее требуют, чтобы она была наукой, имеют в виду нечто совсем иное, чем прежде; а именно: она должна быть наукой, наподобие этих современных наук, добившихся столь убедительных достижений. Если она на это не способна, то она стала беспредметной и обречена на исчезновение.

Несколько десятилетий тому назад широкое хождение получило следующее рассуждение: философия была своевременна до тех пор, пока из нее как изначальной универсальной науки не развились все нынешние науки. Теперь же, когда все подлежащее исследованию поделено между ними, время философии истекло. Вместе с осознанием того, как науки обретают свою принудительную общезначимость, стало ясно и то, что философия не отвечает этим критериям. Она имеет дело с пустыми рассуждениями, ибо выдвигает бездоказательные предположения; она игнорирует опыт; она соблазняет иллюзиями; она отнимает силы у настоящего исследования, растрачивая их на ничтожные общие речи о целом.

Такой образ философии возник в свете науки как методичного, принудительного, общезначимого познания. Можно ли тогда вообще считать философию наукой?

На это последовали две реакции.

Для *первой* из них нападки на философию признаются правомерными. Представители филосо-

[1] K. Jaspers. Philosophie und Wissenschaft. Перевод осуществлен по изданию: Jaspers K. Ueber Bedingungen und Moeglichkeiten eines neuen Humanismus. Stuttgart: Reclam, 1951. S. 3–21.

фии должны поэтому ограничить свои задачи. Если философия подходит к своему концу (ибо она раздала все свои предметы наукам), то ей остается знание собственной истории, которая была поначалу одним из факторов истории самой науки, а затем феноменом истории духа – как история заблуждений, отклонений, как история освобождения, в котором философия сделала саму себя избыточной. Наконец, история философии хранит знания о философских текстах, а они уже как эстетически интересное явление заслуживают прочтения из-за стиля и настроя (хотя и лишены всякой научной значимости).

Другие следовали за современными науками в том отношении, что они объявляли несостоятельной всю прежнюю философию и желали основать философию как строгую науку. Так они понимали остающуюся за философией задачу, которая относится и ко всем наукам, а именно, вопросы логики и теории познания, феноменологии. Чтобы вернуть философии ее репутацию, они делали это посредством имитации и желания услужить, превращая ее в служанку науки. Она должна была с помощью теории познания обосновывать право на научную значимость; помимо этого у нее не было никаких вопросов; иначе говоря, она оставалась чем-то избыточным. Правда, как логика, она развилась в специальную науку, которая в силу всеобщности своего предмета – формы всякого правильного мышления – выступала как *mathesis universalis* и должна была занять место всей предшествующей философии. Логистику многие сегодня принимают за философию в целом.

Итогом этой первой реакции является следующее представление: философия есть одна из наук среди прочих, одна из многих дисциплин. Как и все прочие, она требует специалистов, образует свой узкий круг разбирающихся в предмете, проводит свои конгрессы и имеет свои специальные журналы.

Против этого усердного онаучивания возникла *вторая* реакция. Нападки на существо философии были отклонены уже потому, что было вообще отвергнуто притязание на научность. На деле философия не является наукой. Она основывается на чувстве и интуиции, на фантазии и гении. Она представляет собой понятийное заклинание, а не познание сущего. Она означает порыв души или зоркое видение желанной смерти. Иные шли еще дальше: философии вообще несоразмерно занятие наукой, ибо ей явственна сомнительность всякой научной истины. Современные науки в целом являются ложным путем уже в силу разрушительных последствий рациональной жизни для души и бытия вообще. Философия не есть наука – именно поэтому она несет подлинную истину.

Обе реакции – как подчинение науке, так и ее отклонение как принудительного, методического и общезначимого познания – кажутся концом философии. Будь она похвалой науке или ее отри-

цанием, в обоих случаях она уже не является философией.

Видимый триумф наук над философией на протяжении нескольких десятилетий создавал ситуацию, в которой из разных источников вновь начался поиск истинного философствования. При наличии такового можно найти ответ и на вопрос об отношении философии и науки, как по существу, так и в конкретных деталях. Это – настоящий вопрос первостепенной важности.

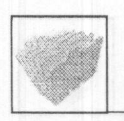
Весомость этой проблемы станет понятной, если рассмотреть ее историческое происхождение. Она возникла из запутанного сочетания трех мотивов: 1) смысла современной науки; 2) старого и все время возобновляющегося притязания философии на тотальное знание; 3) философского понятия истины, впервые обнаруженного Платоном.

Наукой как методичным познанием, являющимся принудительно точным и общезначимым, располагали уже греки. Однако современные науки не только прояснили этот основополагающий смысл всех наук (в целом решение этой задачи еще и не завершено); они по-новому сформировали и обосновали смысл, объем и единство своих исследований. Я обозначу некоторые важнейшие характеристики.

Современная наука *ни к чему не равнодушна*. Ей подходит все что угодно, было бы оно только фактичным: самое малое и самое отвратительное, самое далекое и самое чуждое. Она стала поистине универсальной. Нет ничего, что избежало бы ее взгляда. Ничто не должно остаться сокрытым, умалчиваемым, тайным.

Современная наука, по сути своей, *не завершена*. Она устремлена в бесконечное, тогда как античная наука выступала как законченная, не осознавая своего собственного фактического развития (которое, впрочем, быстро завершилось). Современная наука поняла то, что всеобъемлющая картина мира, объясняющая наличное бытие из одного или нескольких принципов, является научно невозможной. У картины мира имеются другие источники, она выдвигает свои ложные притязания на значимость только за счет ослабления научной критики и абсолютизации частного. Великие унификации той же физики, которые были недоступны для прежнего познания, улавливают лишь одну сторону действительности. В целом, она стала столь разорванной и безосновной, каковой она никогда еще не представала для сознания. Из этого следует незакрытость современного мира в отличие от греческого Космоса.

Античные науки были *оторваны* друг от друга и не имели взаимосвязи. Они были лишены идеи конкретной полноты. Напротив, современные науки ведут свой поиск во *всесторонней взаимосвязи*. Если истинная картина мира для них уже невозможна, то таковой является идея единого Космоса наук. Недостаточность каждого отдельного познания ведет к поиску связи со всем познанным.

Современные науки невысоко ценят *возможности* мысли; они придают мыслям значимость только в рамках определенного и конкретного познания, когда оно прошло проверку, а тем самым существенно видоизменилось. Так, античная и современная теории атома какое-то время совпадали – пока речь шла об общей модели. Однако античная модель была уже готовой интерпретацией возможностей, применяемой к наличному опыту посредством убедительных истолкований; современная модель представляет собой непрестанную трансформацию самой теории как инструмента исследования, взаимодействующую с опытом через проверку и опровержение.

Современные науки доходят в своих вопросах до *крайности*. Например, мышление, противопоставленное видимости, уже начиналось в античности (скажем, в понимании перспективы и применении такого понимания к астрономии), но оно еще было привязано к созерцанию; в современной физике оно решается на самые парадоксальные гипотезы, а тем самым достигает реальности, подрывающей любую замкнутую картину мира.

Наконец, все это сделало возможной ту *научную позицию*, для которой все встреченное подлежит исследованию, ясному и четкому познанию, отличению познанного от непознанного. Она привела к неслыханной полноте познаний (сколь исчезающе мало знали греческий врач или техник). У современной науки есть свой этос: на основании ничем не сдерживаемого исследования и критики достигать надежного знания. Входя в ее пространство, мы словно начинаем дышать чистым воздухом и видим, как растворяются болтовня, более или менее убедительные мнения, своенравные толкования, слепая вера.

С современной наукой встречается *второй мотив*, а именно древнейшее стремление к *философскому тотальному знанию*. Философия изначально выступала как наука, несущая знание о целом – не бесконечно прогрессирующее фактическое знание, но как завершенное учение. Начиная с *Декарта*, современная философия отождествляет себя с современной наукой, но делает это таким образом, что сохраняет древнее философское понятие науки как тотального знания. Можно было бы показать, что именно поэтому Декарт ничего не понял в современной науке (скажем, в опытах *Галилея*), а то, что он сам делал, имело мало общего по смыслу с современной наукой, несмотря на то что он, будучи одаренным математиком, способствовал развитию этой науки. Последующие философы (в какой-то степени даже *Кант*) оставались пленниками этой доктрины тотальной науки. *Гегель* еще мог считать, что он создает подлинную науку о целом, и все науки занимают свое место в его космосе духа.

Такое отождествление современной науки и новейшей философии с ее старыми притязаниями на тотальное знание было прокля-

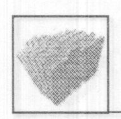
тием для обеих. Современные науки, в силу самообмана видевшие в великих философских системах 17 века и некоторых последующих опоры собственного здания, были загрязнены притязанием на абсолютное знание. У философии Нового времени, впрочем, было свое величие, поскольку, даже пребывая в этом состоянии самообмана, она была способна на творчество.

Наконец, *третий мотив*. Ни современное понятие науки, ни ее понимание как философского тотального знания в рамках системы, не совпадают с собственно философским пониманием науки, которое непревзойденным образом дал уже Платон. Сколь отлична эта истина, явленная Платоном в метафоре пещеры и затронутая в игре его диалектики – истина, которая касается бытия и того, что выше всякого бытия, – от истины наук, всегда имеющих дело только с явлениями сущего и не достигающих бытия. Сколь она отлична и от истины систем, полагающих, что они имеют в своем владении бытие в целом. Как далеки друг от друга истина, которую никак нельзя записать, которая хотя и открывается мысли (как мы читаем с седьмом письме Платона), но возгорается только в коммуникации между понимающими, и записанная истина, принудительная, общепонятная, обособленная и стоящая перед всяким разумным существом!

Три столь различных понятия науки – современной науки, философского тотального знания, проявляющейся в мышлении истины веры (учение Платона может служить примером) – теперь совмещаются, что ведет к сегодняшней путанице. Приведем один пример.

Постановка экономических вопросов и исследования в этой области сделали *марксизм* важным моментом развития науки. Но это он разделяет с рядом иных учений, и это не исчерпывает его влияния. Скорее, оно связано с философско-историческим тезисом о диалектическом ходе истории как тотальности, которая полагается прозрачной от начала и до конца. Так что марксизм выступает как философская доктрина, но с претензией на научную общезначимость. По способу мышления он тождествен философии Гегеля, понятийный метод которого остается орудием марксизма. Отличие лишь в том, что ядро исторического процесса полагается Гегелем в том, что он именует «идей», тогда как у Маркса это – способ производства человека, который, в отличие от животных, получает средства поддержания жизни посредством планомерного труда. Оба философа – как Гегель, так и Маркс – выводят из того, что для них предстают как такое ядро все явления. Поэтому Маркс по праву говорил, что поставил Гегеля с головы на ноги; но это касается содержания, тогда как гегелевский метод конструирования действительности посредством понятийной диалектики не был им оставлен.

То, что экономическое знание, сделавшееся научным, а потому частным и пребывающем в постоянном изменении, было отождествлено с диалектическим познани-

ем тотального процесса, полагаемым основополагающим и окончательным познанием, вело к той же самой ошибке, которая имелась у Гегеля (а в иных разновидностях присутствовала в философии Нового времени, начиная с Декарта); она была повторена Марксом. Происхождение абсолютного, исключительного притязания марксистов лежит в философии, понятой как система тотального знания, выступающего одновременно как результат современной науки, из которой такое притязание совсем не следует.

Но с этими двумя моментами соединяется третий: порыв к абсолютному, переполняющая стремления и чаяния человека истина – аналогичная платоновской, пусть и совсем иного характера. Она понимается как истинное сознание бесклассового человека. Лишь эта убежденность веры способствует современному фанатизму, ссылающемуся не на веру, но на науку, обвиняющая противников либо в глупости, либо в злой воле, либо в непреодолимой зависимости от своего класса. Им противопоставляется единственная и чистая человеческая истина, которая не привязана ни к какому классу, а потому абсолютна.

Сходные способы мышления, в которых некритически абсолютизируется ограниченно осмысленный научный поиск, превращаемый в тотальное знание, а затем и в веру, обнаруживаются в расовой теории, психоанализе и во многих других случаях.

Вследствие такого смешения разнородного в большом происходит то же, что случается и в малости повседневного: позиция всезнайства, довольствование внешней убедительностью, упрямство некритичного ви́дения и предположения, неспособность к настоящему исследованию, неумение слушать, взвешивать, проверять и основательно осмыслять.

Возмущает то, что от имени науки здесь предстает именно противоположное всякой научности. Ведь наука ведет к знанию того, на каких основаниях, в каких границах, в каком смысле мы знаем. Она учит знать, сознавая тот метод, которым было получено знание. Она приносит определенность, характерной чертой которой является относительность (в силу привязанности к предпосылкам и к методам исследования).

Поэтому имеющиеся у публики представления о науке сегодня двусмысленны. Настоящая наука в любые времена, включая и нынешние, может быть сокрытой, некой явленной тайной – она явлена, поскольку доступна каждому; она таинственна, поскольку далеко не все ее действительно понимают. Тем ярче сияние подлинной, неподдельной научности, которая именно посредством критического сознания своих границ дает место всем прочим человеческим поискам истины.

К этому добавляется еще одна чудодейственная сила самой науки: с развитием науки в нее вбирается только подлинно познанное, тогда как все прочее отбрасывается посредством критики. Тем самым образуется – пока остается

свободная дискуссия – предмет, возвышающийся над теми людьми, которые являются его носителями, ибо весь объем постигнутого недоступен каждому из них по отдельности.

В ситуации спутанности понятий науки возникают три задачи, соответствующие трем указанным выше мотивам.

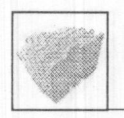
Во-первых, необходимо преодолеть выдаваемое за научное знание философское тотальное знание. Такое ложное тотальное знание критически разоблачается самими науками. Отсюда проистекает и противостояние философии, оправданное к ней презрение.

Во-вторых, необходимо достичь очищения самой науки. Эта задача исполняется только посредством практики познания и непрестанной борьбы за него. Основополагающая ясность науки и ее границы, вообще говоря, с легкостью признаются и теми, кто особенно часто нарушает и то, и другое. Речь, однако, идет о конкретном очищении каждой отдельной науки. Это осуществляется посредством критической работы самого ученого. Тому, кто желает философски установить истину научного познания, сталкивая тем самым философию и науку, следует идти за самим ученым.

В-третьих, необходимо разрабатывать философию в новых условиях, выросших вместе с современными науками. Это требуется и самим наукам. Ведь философия живет в самих науках и настолько от них неотделима, что чистоту как той, так и другой, можно достичь лишь одновременно. Отрицание философии незаметным образом способствует процветанию дурной философии. Исследователь – сознательно или не осознавая этого – философски направляет свое конкретное дело, которое он никак не может признать принудительным с научной точки зрения.

Например, мы не можем научно доказать необходимость самой науки. Направленность нашего интереса именно на этот предмет, избрание его из бесконечности сущего в качестве предмета исследования – этот выбор не имеет научного обоснования. Связующие нас друг с другом идеи входят в систематику исследования, но сами по себе они нами не исследуются.

Оставленная себе самой наука становится беспризорной. Рассудок – это шлюха, говорил *Николай Кузанский*, поскольку отдается любым вещам. Наука – это шлюха, так говорил и *Ленин*, поскольку она продается любому классовому интересу. Для Кузанца разум и, в конечном счете, богопознание придают рассудочному познанию смысл, опору и верность; для Ленина бесклассовое общество ведет к чистой науке. Чтобы убедиться в чем-то подобном, требуется философское осмысление. В самих действительно существующих науках скрывается философия как то, чем жив ученый, что придает серьезность его методичной работе и ее направляет. Тот, кто подкрепляет эту направленность рефлексией и самосознанием, философствует уже очевидным обра-

зом. Без такой направленности наука предается бесконечности произвольно избранного, равнодушной правильности, бессмысленной суете и готовности услужить.

Чистота науки требует чистоты философии.

Но как философия может стать чистой? Разве она не считает саму себя наукой и не стремится быть ею? Наш ответ таков: она есть «наука», но таким образом, что в смысле современного научного исследования она является и чем-то меньшим, и чем-то большим, чем наука.

Философию можно назвать наукой, поскольку *науки являются ее предпосылкой*. Не существует какой-либо значимой философии помимо наук. Осознавая собственные отличия, философия непременно связывает себя с наукой. Она не выступает против принудительности опыта. Тот, кто философствует, стремится получить опыт научных методов.

Тот, кто не получил подготовки в какой-нибудь специальной науке и не находится в постоянном контакте с научным познанием, будет и в философствовании сбиваться, представлять как законченное знание некритичные наброски. Через холод науки проходит то, что не выгорает как солома, идет ли речь о роскоши чувств и страстей или об упрямом фанатизме.

Более того, философствующего влечет к научному знанию, поскольку лишь оно дает единственный путь к подлинному незнанию. Наивысшее познание словно растет от того, что человек ищет ту границу, на которой познание останавливается, причем не ложным или временным образом, но поистине и окончательно – не из-за утраты чего бы то ни было, не от отчаяния, но означает истинное становление самого познающего. Только законченное знание делает возможным законченное незнание, только здесь происходит настоящее потрясение, в котором проявляет себя само бытие, а не только подлежащее изучению сущее.

Так как современная наука ведет к великому расколдованию мира, она пролагает и путь к созерцанию истинных глубин, подлинных тайн – только самое решительное познание выявляет всю полноту незнания.

Поэтому философия противится тем презирающим науки ложным пророкам, которые с подозрением относятся к исследованию и принимают за саму науку ее искажения, а то и делают науку («нынешнюю науку») ответственной за зло и бесчеловечность нашего времени.

Философия противостоит и псевдонаучным предрассудкам, и презрению к науке; она без всяких оговорок стоит на стороне современной науки. Наука выступает для философии как чудесный и ни с чем не сравнимый феномен, переломное событие в мировой истории; она является истоком грозных опасностей, но и еще больших шансов, будучи условием возможности человеческого достоинства. Философствующий знает, что без этой науки ничтожно и его собственное дело.

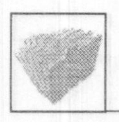

Это дело философа можно далее называть научным, поскольку философия действует *методически* и осознает свои методы. Однако эти методы, если сравнить их со всеми научными методами, отличаются уже потому, что у философии нет своего предмета исследования. Определенный предмет есть предмет специальной науки. Если я назову предметом философии целое, мир, бытие, то, как показала философская критика, эти слова уже не обозначают некий предмет. Философские методы суть методы трансцендирования предметного. Философствовать – значит трансцендировать. А это совершается, когда наше мышление не прикреплено к предметам, но снимает их движением мысли. Особого рода предметностями, выступающими как путеводные нити философского трансцендирования, являются великие творения философии. Поэтому ничем не заменимым является доносящийся до нас через тысячелетия глубокий язык метафизиков: соединение с философией в ее истоках позволяет нам понять ее не только как нечто бывшее, но и как то, что вело к нынешней жизни.

Большая часть именуемого философским знанием тех или иных предметов состоит из обособления и объективации того, что служило философу путеводной нитью, но всякий раз снималось как предметность. Когда мы думаем, что познаем нечто, обращаясь к этим предметам, это переворачивает и извращает философию – мы имеем дело с *capita mortua*, с черепами и костями великих метафизиков. Философствуя, мы не должны поддаваться тем предметностям, которыми всякий раз пользуемся. Мы должны оставаться господами собственных мыслей, а не их подданными.

В этом свойственном для нее трансцендировании, по форме мышления аналогичном науке, философия есть нечто *меньшее*, чем наука. Она не дает никакого зримого результата, никакого принудительного для всякого ума познания. Стоит иметь в виду и то, что научное познание распространяется по миру в одной и той же форме, тогда как философия – вопреки всем своим притязаниям на значимость – никоим образом и ни в одном из своих обликов не является общезначимой. Это – внешний признак своеобразного характера философской истины. Научная истина хотя и общезначима, но релятивна, зависима от методов и предпосылок; философская истина безусловна для нашедшего ее в исторической действительности, но высказывается она не общезначимым образом. Научная истина одна для всех; философская истина многообразна в своих исторических одеяниях, выявляющих ее уникальность; все эти истины правомерны, но ни одна с точностью не переводится на язык другой.

Единая философия, *philosophia perennis*, есть то, к чему стремятся все философские учения, но ни одно ею не владеет. Ей сопричастны все подлинно философствующие, однако она никогда не обретает значимой для всех

формы единственно истинного для всех здания мысли.

Тем самым философия есть не только нечто меньшее науки; она и *большее*, чем наука, а именно источник той истины, без которой не может обойтись научное принудительное знание. Подобной философии присущи такие определения: «философствование есть обучение тому, как умирать»; «оно является прорывом к божественному»; «оно есть познание бытия как бытия». Такие определения означают то, что философское мышление одновременно выступает как внутреннее действие; оно взывает к свободе; оно присягает трансценденции. Это можно сформулировать иначе: философия есть достоверность самого себя в подлинном смысле слова, мысль, присущая бесконечно просветляемой вере человека, путь внутреннего самоопределения человека посредством мышления.

Но ни одно из этих суждений не представляет собой правильной дефиниции. Не существует дефиниции философии, так как философию нельзя определить ни через что иное. Нет того рода, под который можно было бы подвести философию как вид. Философия определяет самое себя, непосредственно соотносится с божеством, обосновывает себя не полезностью. Она произрастает из того самого источника, который был дарован человеку.

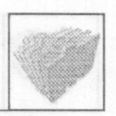
Подведу итог сказанному выше. Науки не включают в себя всю истину, но только принудительную для рассудка общезначимую правильность. Истина является объемлющей нечто большее. Она должна показать, явить себя разуму философствующего. С начала Средних веков писались философские труды, озаглавленные: «Об истине». Сегодня написание такого труда вновь стало столь же жизненно важной задачей, ибо в нынешних условиях накопленного научного знания и исторического опыта требуется ви́дение сущности истины во всем ее объеме.

Такое осмысление включает в себя и отношение между наукой и философией. Только при строгом их различении можно по-настоящему и во всей чистоте разглядеть неразрывную связь между ними.

В исследовании и обучении университет ищет практическое единство науки и философии. В университете науке всегда сопутствует мировоззрение.

Университет есть пространство, в котором встречаются все науки. Пока они просто собраны вместе, университет напоминает духовный склад товаров; стоит им собраться вместе в единство знания, и он похож на занятие тех, кто занят бесконечной постройкой храма.

Полтора века назад это казалось еще чем-то само собой разумеющимся: то, что исследователь приносит философу, развивается философом с максимально ясным сознанием. Теперь все стало иначе. Вместе со специализацией науки разбежались друг от друга. Ранее считалось, что свести вместе научные знания, сохраняя в чистоте отдельные результаты познания, способна философия.

Является ли расхождение наук последним и необходимым состоянием? Можно желать, чтобы была философия, способная переработать все созданное ранее и нести его в себе, прояснять все это и выражать – пусть в необычайно тонких мыслительных конструкциях, но в простых и находящих отклик у всякого суждениях. Однако сегодня у нас нет такой философии.

На старых университетских скипетрах 15 века помещались золотые фигурки, представлявшие, как Христос распределил обязанности по факультетам. Если бы такие скипетры были еще в ходу, то они уже не выражали бы того, что существует на самом деле, но лишь вновь и вновь указывали бы на задачу, а именно на единство знания.

Уже не теология, уже не философия образуют целое. Имеется ли сегодня вообще общий дух университета? От прежнего порядка остался некий общий и все время меняющийся план – без симметрии и без логики, без замкнутости, в постоянном расширении; все, что имеет статус науки, занимает в нем некое место. В нем встречаются самые чуждые друг другу предметы. Не располагая единством знания целого, в ситуации такой встречи каждый вынужден вглядываться в ему неведомое. Он учится тому, что даже самое чуждое его касается. Так разрастается духовная жизнь, устремленная в широту и свободу мышления. Общность духа заключается уже не в связующем содержании веры, но только в критическом поиске как таковом, в признании того, что логически или эмпирически неопровержимо, в решительном отрицании *sacrifitium intellectus*, в общении, в не знающем границ вопрошании, в добросовестности.

Этот дух есть порождение последнего столетия. Удовлетворится ли им университет на долгое время? Философии эта ситуация предоставляет необычайные возможности. Однако было бы абсурдом выдвижение некой программы для того, что возможно только как творение общего духовного мира, но не как обязанность, предписанная каждому.

Пока он верен себе, философствующий пребывает в незнании. С последним не следует путать неизбежную сегодня скромность *профессора* философии. Лучшие философы сегодня обнаруживаются, скорее, не среди тех, кто занят преподаванием философии. Ибо философия пребывает *в* науках, она охраняет их от растворения в том, что не имеет ценности знания, она воодушевляет научный поиск. Такова конкретная философия, осуществляющаяся в своей целостности в той или иной обособленной науке. Тем самым последняя способна представлять знание вообще, устанавливая связь данного предмета со всем познаваемым, находя ему тем самым глубинное основание.

Профессор философии служит этому устремлению, но он не является задающим тон вождем, а тем, кто вслушивается, учится и прослеживает значение во всей широте взаимосвязей.

Он почитает иных великих философов, которые принадлежали к истинным творцам; таковых нет сегодня. Но он отвергает идолопоклонство, которое началось уже в школе Платона. Даже величайшие остаются людьми и ошибаются; нет того авторитета, которому следует безусловно подчиняться.

Он с почтением относится к любой науке, познание которой имеет принудительный характер. Но он отвергает гордыню науки, заявляющей, что все доступно познанию (или уже познано).

Его идеалом является разумная жизнь с другими наделенными разумом существами. Он вводит самого себя в сомнение, он жаждет спора и возражений, он готов к диалогу в безгранично углубляющейся коммуникации, в которой только и возможна истина и без которой ее просто нет.

Его надежда связана с тем, что, по мере становления разумным существом, ему будет даровано постижение того, что делает человеческую жизнь возможной, что, пока он честен с самим собой, его воля без всякого человеческого опосредования соприкоснется с трансценденцией.

Но как *учитель* философии он чувствует себя ответственным за то, чтобы не было предано забвению великое, чтобы философские методы мышления по-прежнему наставляли, а науки становились действеннее посредством философского способа мышления. Постигая наш век, вместе со своими студентами он хотел бы достичь вӣдения вечного.